

В седьмой день двенадцатого месяца Ян Си вместе с Ян Е, Ян Чжао, Ян Ле, а также Бэйчэнь Цинем и Жэнь Гуанем наконец вернулся в столицу Лоян.

Зима в тот год выдалась на редкость суровой: лютые морозы сковали землю, а нескончаемые снегопады, валившие один за другим, укрыли дороги белым саваном. И все же, несмотря на снежные заносы и стужу, канцлер Цзин Хуайюй во главе сотен придворных чинов и толпы горожан выехал за десять ли от городских ворот, чтобы с почестями встретить путников.

С величайшим благоговением придворные проводили вернувшихся в город. Прежние смуты остались в прошлом; теперь же, веряя свои судьбы новому владыке, все надеялись на зарю процветания и спокойную, благополучную жизнь.

Перед величественными чертогами Дворца Пурпурной Микроскопии мужа ждала Цэнь Вэньцзян. На руках она держала годовалого первенца, Ян Шо. Завидев приближающуюся кавалькаду, супруга осторожно взяла кроху за пухлую ручку и помахала Ян Си, едва тот сошел со своей колесницы:

— Анъань, посмотри, это твой папа! Позови его!

Домашним именем мальчика было Анъань — в знак пожелания мира и покоя.

Ян Си, перешагнувшему тридцатилетний рубеж, этот поздний ребенок принес неизъяснимую радость. Глядя на личико сына, как две капли воды похожего на него самого, новоиспеченный отец почувствовал, как к глазам подступили слезы. Он поспешно шагнул вперед, бережно принял драгоценную ношу и обернулся к брату:

— Сяо Лан, скорее иди сюда! Взгляни на своего племянника!

Ян Е подошел ближе, с любопытством вглядываясь в крохотное личико, и осторожно сжал крошечные пальчики младенца:

— Надо же, брат... Он и впрямь вылитый ты.

Ян Си не удержался от смешка:

— Глупости говоришь. Было бы куда хуже, если бы он не походил на меня.

Цэнь Вэньцзян шутливо закатила глаза, глядя на веселящихся мужчин, и мягко прервала их:

— Ваша супруга приготовила все для праздничного пира, дабы смыть с вас дорожную пыль. Все давно готово, прошу вас войти.

Три дня подряд Ян Си давал пышные пиры для чиновников, обсуждая с ними будущее государства. А в шестнадцатый день двенадцатого месяца, уступая настойчивым прошениям придворных, твердивших, что такова воля Небес, он официально взошел на престол. Новая эра получила девиз правления Чжэньцзянь.

На следующий день император объявил о всеобщей амнистии и щедро наградил верных подданных. Супруга Цэнь Вэньцзян удостоилась титула императрицы, став хозяйкой Внутреннего дворца, а старший сын Ян Шо был провозглашен наследным принцем.

Почившему государю Ян Тао был посмертно дарован титул Премудрого, Милосердного и Почтительного императора Хуай.

Маркиз Хуайнань Ян Е получил титул Добродетельного и Мудрого князя Хуай. Ему пожаловали прежнее поместье князя Чжао, отныне именовавшееся поместьем князя Хуая, а также вверили управление двумя ключевыми ведомствами — Министерством чинов и Министерством финансов.

Бэйчэнь Цин был назначен Великим генералом Цзинью и возглавил Центральную императорскую гвардию.

Юань Оумин, получивший звание Великого генерала Шэнью, добровольно вызвался оборонять Три заставы и должен был отправиться к месту службы сразу после праздников.

Цзин Хуайюй занял пост Левого канцлера, став самым молодым главой правительства за всю историю империи Да Янь.

Жэнь Гуань наотрез отказался от почетного звания Государственного наставника-защитника государства, пожелав остаться скромным советником департамента охоты и лесов, за что государь пожаловал ему двойное жалованье.

Вэй Линьсянь был назначен Командующим гвардией лагеря Хубэнь. Что же касается остальных чиновников, не замеченных в тяжких проступках, то они сохранили свои прежние посты и также удостоились наград. Словом, все остались довольны.

Князь Лян Ян Чжао, так и не оправившийся от старых недугов, попросил дозволения уехать на лечение в северо-западные земли Луншан. Ян Си удовлетворил его прошение, пожаловав ему в удел земли Янлин с уговором отбыть туда весной. Генерал Жун Чжэнфу и его воины вошли в состав Центральной императорской гвардии и более не сопровождали своего прежнего господина.

К концу года, по укоренившейся традиции, правители соседних малых государств — Цюннаня, Бохая и других — прислали послов с богатыми подношениями. Восшествие на престол нового императора требовало особых почестей.

Однако принц-консорт Сицзя, Цзинь Яжэнь, повел себя иначе. Он не только проигнорировал поднесение дани, но и отправил гонца с дерзким требованием выдать ему серебро и ткани. Ссылаясь на некогда подписанное соглашение, правитель Сицзя настаивал, что Да Янь обязана ежегодно поставлять им двести двадцать тысяч лянов серебра и двести двадцать тысяч рулонов шелка.

Сидя в Императорском кабинете, Ян Си хмуро разглядывал свиток доклада. Страна только-только пережила двухлетнюю изнурительную междоусобицу, и сейчас, когда престол едва укрепился, народу требовалась передышка. Затевать новую войну с Сицзя государю не хотелось. Он велел евнухам созвать нескольких доверенных советников, среди которых, разумеется, был и новый канцлер Цзин Хуайюй.

— Помнится, именно ты в свое время подписывал мирный договор с Сицзя, — обратился Ян Си к Цзин Хуайюю. — Но почему срок установили аж в десять лет? Не слишком ли долго? Да и сумма огромная... Откуда такие нелепые, до единого гроша выверенные требования? Странно все это.

— Ваше Величество, этот договор был заключен еще при прежнем императоре, — почтительно ответил канцлер. — Если вы считаете эти условия неприемлемыми, мы можем ответить отказом.

Ян Си покачал головой и усмехнулся:

— Прямолинейный отказ ни к чему хорошему не приведет. Сицзя — сильнейшее государство на наших северных рубежах. За годы службы на заставе Фэньюй мне не раз доводилось иметь с ними дело, так что мы, можно сказать, старые знакомые.

Император понимал: войска Юань Оумина придут к Трем заставам только после праздников, а значит, сейчас нужно во что бы то ни стало сохранить мир. Следовало действовать мягко. Ян Си негромко постучал пальцами по драконьему столу:

— Напиши так: император Да Янь только что взошел на престол, казна пуста, повсюду разруха, а посему мы просим принца-консорта проявить великодушие и войти в наше положение. В этом году мы отправим ровно половину от требуемого серебра и шелка, а остаток обязуемся выплатить в следующем году, когда соберем хороший урожай. Канцлер Цзин, составь ответное послание сам. Выбирай самые мягкие и дипломатичные выражения.

Цзин Хуайюй поклонился и тотчас отошел к боковому столику, чтобы составить бумагу.

Ян Си перевел взгляд на главу Министерства финансов Чжоу-шаншу, сиюсь прояснить вопросы, касающиеся новогоднего пира и торжественных церемоний.

Лицо старого чиновника тут же приняло унылое и растерянное выражение.

— Ваше Величество, — вздохнул он, — празднества на исходе года и великое жертвоприношение в первый день весны потребуют огромных трат. Все сметы должен утвердить лично князь Хуай, как глава нашего ведомства. Однако сколько бы я ни ходил в его поместье с готовыми списками, слуги всякий раз отвечают, что его высочество занят и велел мне решать все самому. Но помилуйте, как я могу брать на себя такую ответственность в столь важном деле?

Ян Си недовольно нахмурился:

— Занят? И чем же, интересно, он так занят? Праздники на носу, я уже распустил большинство чиновников на отдых, неужто один он трудится не покладая рук? Я и сам не видел его уже несколько дней... Ладно, давай сюда свои бумаги, я посмотрю.

Князь Хуай действительно был крайне занят. Исключительно тем, что предавался беззаботному веселью.

В его поместье все было устроено лучшим образом: от заботливого управляющего до последней служанки — Ян Си лично проследил, чтобы брата окружал полный покой, избавив его от любых домашних хлопот. Нянь Вэй и Чжунли Чжэнь по-прежнему повсюду следовали за своим господином. Остальные же телохранители под началом Вэй Линьсяня теперь несли службу во дворец. Поскольку праздники были близко, Вэй Линьсянь установил для подчиненных поочередное дежурство, а свободных от службы гвардейцев император самолично отправлял к младшему брату — чтобы тому не было скучно.

Лишь Бэйчэнь Цин никак не мог вырваться. Приняв командование Центральной императорской гвардией, он погряз в неотложных армейских делах и уже несколько дней безвылазно сидел в загородном военном лагере.

В одном из покоев за просторной библиотекой князя обустроили широкую лежанку, устроенную по северному обычаю у южного окна. Ее укрыли пушистыми коврами из Западного края. Посреди лежанки водрузили низкий столик, вокруг которого, тесно прижавшись друг к другу, сидела шумная компания, азартно бросая игральные кости.

Ян Е, облаченный в домашний шелковый халат со свободными рукавами, сидел с полураспущенными волосами и азартно выкрикивал ставки. Однако удача сегодня явно отвернулась от него: сколько бы он ни бросал кости, выиграть никак не удавалось. Проиграв изрядную сумму, он не на шутку раздосадовался и напустился на Нянь Вэя:

— Все из-за тебя! Вечно выпускаешь кого попало, только игру мне портишь!

Нянь Вэй робко пробормотал:

— Но господин... Если вы отказываетесь их принимать, они просто стоят у ворот и не уходят. Что я могу сделать?

Не успел он договорить, как слуга у дверей почтительно доложил:

— Помощник министра ритуалов господин Янь просит аудиенции у его высочества.

Ян Е недовольно насупился. Нянь Вэй тихо шепнул:

— Господин... праздники ведь, люди несут подарки. Таков уж обычай среди чиновников. Если вам не угодно, я могу отослать его. Только вот давеча я уже завернул нескольких просителей, так они подняли такой шум, что сладу с ними не было... Как быть?

Под непрекращающийся стук костей Ян Е нетерпеливо отмахнулся:

— Делай что хочешь! Не уходят — принимай подношения, от лишнего серебра еще никто не умирал!

Нянь Вэй поспешил к воротам и вскоре вернулся, держа в руках свиток с перечнем даров. Остановившись у плеча хозяина, он несмело заговорил:

— Господин Янь не посмел беспокоить ваше высочество и, оставив подарки, сразу уехал. Не желаете взглянуть на опись?

Ян Е раздраженно отмахнулся, даже не повернув головы. Тогда слуга, запинаясь, добавил:

— Серебро и шелк — это еще ладно... Но господин Янь также прислал нескольких молодых актеров и певиц. Их повозки сейчас стоят у ворот. Куда их приказать определить?

Князь с размаху хлопнул ладонью по столу:

— Да что ты привязался ко мне?! Прими и заberi себе! Сяо Бай, ну же, открывай чашу, я ставлю на крупное!

Нянь Вэй побелел от ужаса и испуганно замахал руками:

— Помилуйте, господин, мне никак нельзя! Вэй Линьсянь только третьего дня сосватал меня за свою дальнюю родственницу. Ее семья строго-настрого предупредила: никаких наложниц в доме! Сжальтесь над вашим слугой, не губите!

Ян Е было не до причитаний слуги. В этот момент Сяо Бай открыл чашу — снова выпало малое значение. Последняя ставка сгорела. Князь уже открыл было рот, чтобы разразиться проклятиями, но внезапно зашелся в тяжелом кашле, судорожно прижимая к губам широкий рукав халата.

Следивший за ним Чжунли Чжэнь тут же встревожился:

— Господин, почему вы кашляете? Нездоровится? Эй, принесите теплого грушевого отвара с миндалем!

— Пустяки, — хрипло отозвался Ян Е, переводя дыхание. — Вчера за городом немного просквозило. С чего бы мне вдруг хворать от легкого ветерка?

Однако Чжунли Чжэнь проявил настойчивость и заставил слуг подать целебное питье.

Ян Е лишь поморщился, глядя на дымящуюся чашу:

— Приторная гадость. Не буду я это пить.

— В таком случае, не желает ли ваше высочество немного прилечь? — мягко настаивал Чжунли Чжэнь. — Впереди еще много времени, игра никуда не убежит.

Князь и впрямь чувствовал себя скверно. Он безвылазно сидел за столом уже больше четырех часов, забыв даже пообедать, и теперь его одолевала сильная усталость.

— Ладно, — уступил он. — Чжунли, садись на мое место. Но гляди в оба! Не дай Вэй Линьсяню сжульничать.

Чжунли Чжэнь поспешно распорядился принести пару теплых одеял, помог хозяину перебраться на самый край теплого кана, поближе к печи, и терпеливо, словно капризного ребенка, уговорил его выпить сладкий отвар. Укладываясь, Ян Е все еще слабо ворчал:

— Обязательно отыграй мое серебро... Все до единого медяка верни...

— Конечно, мой князь, спите спокойно, — с улыбкой ответил Чжунли Чжэнь и, заняв его место, бросил кости.

Игра продолжалась до глубокой ночи, стемнело, но никто и не думал расходиться. Ошалевшие от азарта гвардейцы уже плохо соображали, что происходит вокруг. Именно в этот момент в покои бесшумно вошел император Ян Си.

Его глазам предстала картина полнейшего хаоса и веселья. Государь оглядел комнату, но не нашел среди играющих брата. Вэй Линьсянь, вовремя поднявший голову, похолодел от ужаса. Споткнувшись о край ковра, он кубарем скатился с лежанки и рухнул на колени, отвешивая земной поклон. Остальные стражники мгновенно опомнились и торопливо попрыгали на пол, склонив головы перед повелителем.

— Где Сяо Лан? — негромко спросил Ян Си.

— Ваше Величество, — робко отозвался Чжунли Чжэнь, — его высочество прилег отдыхать у стены.

Ян Е спал, с головой укутавшись в шерстяное одеяло, наружу выбились лишь пряди его смоляных волос. Ян Си мягко улыбнулся и подошел ближе. Намереваясь разбудить брата, он ласково коснулся его лба, но рука тут же отпрянула, словно от раскаленных углей. С лица императора мгновенно сошла улыбка. Поспешно откинув одеяло, он увидел, что Ян Е тяжело, прерывисто дышит, а его щеки пылают пунцовым румянцем. У него был сильнейший жар.

Гнев императора был страшен. Он резко обернулся к замершим слугам и гвардейцам:

— Он горит как в огне! Неужели никто из вас этого не заметил?! Только и умеете, что кости бросать да горланить! Живо звать придворного лекаря!

Все застыли на месте, со страхом глядя на разгневанного государя и не смея шелохнуться. Ян Си, не теряя времени на пустые споры, решительно завернул бесчувственного брата в шерстяное одеяло и легко поднял его на руки.

— Не нужно лекаря сюда, — ледяным тоном бросил он. — Оставлять его в этом вертепе — верная гибель, здесь никому нет дела до его здоровья. Я забираю его во дворец!

Вэй Линьсянь робко шагнул вперед, пытаясь облегчить ношу повелителя:

— Ваше Величество... Позвольте вашему слуге нести его высочество?

— Прочь! — рявкнул Ян Си. — Доверь его тебе — он и помереть успеет, пока ты спохватишься!

Ярость требовала выхода. Император с размаху пнул командира гвардии в бедро, повалив его

на пол. Не оглядываясь, он бережно вынес Ян Е к ожидавшему у ворот экипажу и поспешил во дворец.

На следующее утро из дворца пришел суровый указ. Чжунли Чжэнь и Нянь Вэй переводились на службу во внутренние покои, дабы преданным уходом за князем искупить свою оплошность. Но суровее всех пришлось командиру стражи Вэй Линьсяню: за организацию азартных игр на посту ему назначили тридцать ударов плетью и лишили жалованья на полгода. Прочим заговорщикам — Бай Тинби, Ма Тяньхуа и остальным — порки удалось избежать, однако их кошельки опустели на три месячных оклада. Побитые и пристыженные гвардейцы лишь уныло вздыхали, проклиная собственное безрассудство.

Узнав о том, что князь Хуай слег и перевезен во дворец, придворные поспешили выразить почтение и справиться о здоровье больного. Однако Ян Си не желал никого видеть. Отказав просителям, он устроил брата в Зале Нефритовой Роскоши, что примыкал к его собственным покоям, дабы иметь возможность навещать его в любое время. Лучшие лекари неотлучно дежурили у постели больного, а заботливые слуги сменяли друг друга, поднося целебные отвары.

Простуда Ян Е оказалась на редкость коварной: ослабленный долгой дорогой и небрежением, его организм сдался, и князь окончательно слег.

Бэйчэнь Цин, получив известие из столицы, бросил все дела в военном лагере и во весь опор помчался во дворец. Однако застать возлюбленного он смог лишь в забытии — Ян Е метался в бреду, не узнавая никого вокруг. Сердце генерала сжалось от невыносимой тоски. Ян Си тоже не находил себе места от беспокойства. Так долгожданное празднование Нового года превратилось для всех в пору тревог и тягостного ожидания.

<http://bllate.org/book/19546/1998860>